

Правоведение

УДК 343.9.024:342.25

Г.М. Аглямова

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

На сегодняшний день коррупционная преступность в сфере местного самоуправления является актуальным видом преступности. Предлагаются пути совершенствования организационно-управленческого и правового обеспечения виктимологического предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления.

Ключевые слова: коррупционная преступность, предупреждение, виктимология, местное самоуправление.

Термин «виктимизация» используется в уголовном праве, уголовном процессе, криминалистике и криминологии. Применительно к предмету данного исследования речь идет о процессе формирования или виктимизации жертвы коррупционного преступления в сфере местного самоуправления как активного участника уголовно-правового деяния.

Исходным понятием анализа процесса криминальной виктимизации выступает термин «жертва преступления», которое трактуется в узком и в широком смысле.

В узком смысле в криминальной виктимологии под жертвой преступления можно понимать человека, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Это физическое лицо, прямо и непосредственно пострадавшее от преступных действий другого лица.

В широком же смысле понятие «жертва преступления» охватывает и физические и юридические лица прямо и непосредственно, косвенно и опосредованно пострадавшие от преступления или страдающие от преступности в целом, а также люди, понесшие моральный, физический и имущественный вред в результате преступного посягательства, совершенного в отношении близкого человека или иждивенца, прямых и непосредственных пострадавших от преступления. Такой подход более приемлем, поскольку несправедливо утверждать, что криминальная виктимология признана заниматься изучением лишь прямых жертв, их свойств и качеств, а также выяснением их роли в преступлении [1. С. 20-21, 55].

В отечественной криминологии и криминальной виктимологии виктимизация рассматривается, во-первых, как процесс или совокупность процессов превращения конкретного лица или определенной общности людей в жертву преступления [2]. Во-вторых, как процесс превращения потенциальной жертвы в реальную и его конечный результат или социально значимые последствия [3. С. 8]. Она также связывается с виктимностью и определяется как процесс накопления виктимных свойств личности, усиливающий роль потенциальной жертвы в детерминации поведения преступника [4]. С.М. Иншаков определяет виктимизацию как процесс роста виктимности, а процесс её снижения – как девиктимизацию [5. С. 184]. П.В. Сидоров указывает, что виктимизация означает процесс превращения человека или определенной общности людей, обладающих виктимностью, в жертв преступлений, протекающий в форме виктимного поведения в условиях криминогенно-виктимогенного взаимодействия преступника и его жертвы, и завершающийся причинением жертве вреда преступлением [6. С. 97].

Несмотря на определенные различия в трактовке термина «криминальная виктимизация», исследователи непосредственно связывают его с преступностью, с процессами криминализации общества. Однако причинно-следственная связь этих процессов трактуется учеными по-разному. Так, Б. Мендельсон указывал на противоположный характер преступности и виктимности [7]. Это положение требует уточнения. Действительно, формирование виктимности может предшествовать преступлению, как, например, в случаях принятия правовых актов, содержащих коррупционные нормы, в силу различных причин. Но только в плане относительного противостояния преступника и жертвы они могут рассматриваться как относительно противоположные. Рассматривая генезис преступления, нельзя не заметить, что не существует жертвы преступления без преступника. Поэтому П.В. Сидоров справедливо подчеркивает, что виктимизация будущей жертвы и криминализация будущего преступника – взаимосвязанные процессы. Как часть детерминации преступления виктимизация имеет смысл лишь в

связи криминализацией. Становление преступника – криминализация и становление жертвы – ее виктимизация представляют собой процессы взаимодействия и обмена элементами причинности [6. С. 94]. В целом исследователи единодушны в том, что процесс виктимизации обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов, детерминирующих становление жертвы. Она имеет место на уровне индивида, группы и общества в целом.

С учетом сказанного коррупционная виктимизация в сфере местного самоуправления представляет собой процесс превращения индивида, группы и общества в целом на уровне муниципального образования, обладающих виктимностью, в жертв преступлений. Он обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов, протекает в форме виктимного поведения в условиях криминогенно-виктимогенного взаимодействия преступника и его жертвы и завершается причинением жертве вреда преступлением коррупционного характера в сфере местного самоуправления.

Следует сказать, что наибольшие разногласия связаны с оценкой роли виктимности в детерминации процесса становления жертвы.

Обращаясь к анализу термина «виктимность», следует указать, что он был впервые введен в научный оборот Б. Мендельсоном, который определял ее как «совокупность социобиологических черт, свойственных всем жертвам вообще» [8].

В отечественную виктимологию понятие «виктимность» введено Л.В. Франком, который обозначал им повышенную способность человека становиться потерпевшим в силу социальной роли или ряда духовных и физических качеств [9]. На аналогичных позициях стоит Л. В. Ильин [10].

Вместе с тем до настоящего времени в виктимологии нет единства мнений относительно определения понятия «виктимность». Так, в отечественной криминологии сложилось два основных подхода к определению природы виктимности. Исследователи рассматривают ее преимущественно в качестве субъективного либо объективного явления. Имеются компромиссные трактовки виктимности, сочетающие в себе взаимосвязь объективного и субъективного.

Так, В.И. Полушинский трактует виктимность как внутреннюю или субъективную характеристику человека, его личности, поведения и взаимоотношений с преступником, повышающую его уязвимость от преступных посягательств [1. С. 33]. Разновидностью данной позиции является определение виктимности как образа действия или бездействия индивидов, благодаря которому они становятся жертвой преступлений в типичных и нетипичных для них ситуациях [11].

Другие исследователи указывают на объективный характер виктимности. Так, Д.В. Ривман считает, что виктимность является объективно присущей человеку предрасположенностью становиться при определенных обстоятельствах жертвой преступления либо неспособностью противостоять преступнику, вызываемой совокупностью факторов, делающих ее объективной или оставляющей ее на уровне субъективного «нежелания или неумения» [12].

Несомненно, с одной стороны, взгляд на виктимность как на субъективную категорию, зависящую от личностных качеств жертвы, ее поведения и взаимоотношений с преступником, неоправданно сужает содержание этого термина. В этом плане справедливо замечание о том, что «виктимность определяется не только личностными характеристиками жертвы» [6. С. 74]. С другой стороны, представляется необоснованным ставить поведение жертвы в прямую зависимость от обстоятельств и тем самым нивелировать активность личности.

Как следствие указанного дихотомического отношения к определению природы виктимности в зарубежной и отечественной криминологии традиционно выделяют личностную, ролевую и ситуативную виктимности [5. С. 184]. Выделяются также разновидности виктимности, по существу сводимые к указанным [13. С. 23].

Личностную виктимность нередко рассматривают как субъективно обусловленное психическое качество человека [3. С. 8]. Ее определяют как выражение тех или иных типичных или атипичных, стабильных и динамических, устойчивых и ситуативных черт личности жертвы, повышающих ее способность стать «мишенью» преступника [14]. При этом ряд исследователей считает, что личностная виктимность коренится в виктимологической деформации личности [13. С. 24]. При такой трактовке личностной виктимности перед исследователями встает задача вычленения перечня таких черт личности жертвы, которые в своей совокупности (или системе) определяли бы склонность того или иного человека стать жертвой преступления. Однако представляется, что черты личности жертвы, взятые в отрыве от системы криминогенных факторов, сами по себе не детерминируют возможность становления человека в качестве жертвы преступного посягательства. Жертвами преступлений ста-

новятся люди с различными характеристиками психологической структуры их личности. Наличие у человека и демонстрация им в различных криминогенных ситуациях таких качеств, как агрессивность, наглость, демонстрация всевластия и иных могут не только способствовать становлению его жертвой преступления, но и, напротив, предотвращению последнего. В связи с этим представляется верным положение, что способность человека становиться жертвой преступления зависит не только от его личностных характеристик и той роли, которую он играет, но и от времени, места, положения, в котором человек оказался часто без собственного содействия, и других обстоятельств, составляющих в совокупности криминогенную ситуацию действия [6. С. 73]. Несомненно и то, что деформации психологической структуры личности (акцентуации характера, различные патологии и пр.), а также различного рода физические недостатки оказывают влияние на процесс виктимизации и повышают возможность человека стать жертвой преступления. Но в данном случае речь идет о причинах и условиях повышения степени виктимности, а не о ее природе.

Имеются некоторые возражения в отношении трактовки ситуативной виктимности, в которой решающая роль в детерминации преступления и становления жертвы отводится криминогенной ситуации как «совокупности объективных обстоятельств, влияющих на поведение субъекта непосредственно перед совершением преступления и сопровождающих весь ход преступного посягательства до наступления преступного результата, облегчая или затрудняя этот процесс» [15]. При таком подходе личностная виктимность не отбрасывается полностью, но свойства, черты или качества личности жертвы оказываются относительными. Лицо как бы обречено при определенных обстоятельствах становиться жертвой, если не обладает способностью избежать реализации личностной виктимности там, где это обычно возможно [6. С. 74]. Таким образом, утверждается, что жертва – в основном продукт ситуации. В результате снимается вопрос об активности личности жертвы. Она превращается в своего рода «флюгер» криминогенно-виктимогенной ситуации.

В исследованиях выделяется также ролевая виктимность, которая в общем плане рассматривается как статусная, профессиональная уязвимость лица, как «объективная в данных условиях характеристика социальной роли человека, независимая от его личностных свойств, повышенная опасность посягательств лишь в силу исполнения такой роли» [13. С. 32]. Следует отметить, что под ролью понимается «функция, нормативно одобряемый образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию» [16]. К такому пониманию социальной роли следует добавить, что существенным здесь является не только и не столько фиксация прав и обязанностей (что выражается термином «ожидание»), сколько связь социальной роли с определенными видами социальной деятельности. Поэтому можно согласиться с мнением, что социальная роль есть «общественно необходимый вид социальной деятельности и способ поведения личности» [17]. По мнению Г.И. Шнайдера, «потерпевший и правонарушитель фигурируют... как субъекты, которые взаимно определяют и интерпретируют себя и свои действия» [18. С. 250]. Кроме того, общество может либо одобрять социальные роли, создавая механизмы защиты субъектов, их исполняющих, либо не одобрять некоторые социальные роли (например, роль «преступник», «наркоман», «коррупционер» и пр.) Последние, в силу социального положения и общественной оценки, отличаются повышенной виктимностью. Важно подчеркнуть, что одобряется или не одобряется прежде всего не конкретное лицо, а определенный вид социальной деятельности. Таким образом, указывая на роль, мы «относим» человека к определенной социальной группе, идентифицируем его с ней. Однако это не означает, что ролевое поведение является обезличенным. В действительности оно неизбежно приобретает индивидуальные характеристики, от которых зависит «диапазон возможностей» конкретного исполнения роли, в том числе преступника или жертвы. Именно этот диапазон является основой характера, построения и реализации межличностных отношений участников взаимодействий, в том числе в связи «преступник-жертва».

В соответствии с этим в научной литературе по степени выраженности выделяют такие виды виктимности, как нулевая; средняя, реализуется, как правило, при необходимом или случайном стечении обстоятельств, благоприятствующих виктимизации будущей жертвы; повышенная, которой обладают люди, сознательно содействующие собственной виктимизации, активно сотрудничающие с преступником, осуществляющие «встречный поиск», сами способные при соответствующих обстоятельствах совершить преступное посягательство. При этом степень виктимности наиболее последовательно обнаруживается при констатации различной степени виктимной деформации личности потенциальной жертвы, фиксированной в поведенческих актах, при установлении степени обусловленности поведения преступника социальной ролью, исполняемой жертвой [6. С. 74].

Виктимность подразделяется также на общую и специальную (или избирательную). Общая виктимность зависит от возраста, пола, рода деятельности, социального статуса и т.п. Специальная – зависит от неустойчивости в психическом и психологическом плане, отставании в развитии интеллекта [20].

Виктимность различают также в зависимости от характера и вида преступлений [6. С. 79]. В соответствии с этим выделяют видовую виктимность – избирательную способность индивидов или отдельных категорий людей становиться в силу ряда обстоятельств жертвой определенных видов преступлений, а также группы однородных или близких по своему характеру видов преступлений, классифицируемых по тем или иным признакам. В литературе указывается, что видовая виктимность реализуется в форме личностной или ролевой индивидуальной и групповой виктимности [6. С. 79-80].

Выделение видовой виктимности позволяет сделать важное обобщение: очевидная взаимосвязь виктимизации и виктимности логически ведет к выделению видов виктимизации, отражающих специфическое действие факторов, характеризующих становление жертв определенных видов преступлений. В таком отношении имеются основания для выделения корыстной, корыстно-насильственной, насильственной виктимизации, различных подвидов их проявлений, в том числе коррупционной виктимизации в сфере местного самоуправления. Она выражает специфику взаимосвязей между преступником и жертвой, обусловленную их участием в совершении преступлений, имеющих признаки коррупции в сфере местного самоуправления.

Выделение различных видов виктимности в общей ее структуре позволяет осуществить типологию жертв по различным качественно однородным признакам, по составам, отдельным признакам составов преступлений, совершаемых в отношении определенных категорий потерпевших, в том числе потерпевших от коррупционных деяний в сфере местного самоуправления. Кроме того, выделение, в частности, коррупционной виктимности в сфере местного самоуправления позволит разработать специфические меры предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления.

Представляется перспективным рассмотрение виктимности в области коррупционной преступности в сфере местного самоуправления с позиций системного и структурно-функционального подходов. Во-первых, еще Д.В. Ривман указывал на то, что виктимность функционально связана с преступностью и предстает как исторически изменчивое социальное явление [19]. В связи с этим следует подчеркнуть, что коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления – производное свойство, функция преступности, вне которой оно не существует и не проявляется. Во-вторых, своеобразная «встроенность» коррупционной виктимности в сфере местного самоуправления в преступность (преступление) и ее детерминированность совокупностью различных факторов объективного и субъективного характера, многообразность ее проявлений в криминогенно-виктимогенном процессе, криминализация различных сфер организации общественной жизни на муниципальном уровне, влияние преступности на характер и динамику общественного развития позволяют рассматривать коррупционную виктимность в сфере местного самоуправления как системное свойство преступности.

Характеризуя причины и условия коррупционной виктимизации граждан отдельного муниципального образования, следует подчеркнуть, что в последние годы виктимогенная обстановка в современной России количественно и качественно «обогатилась» виктимогенными факторами. В целом ведущим фактором, определяющим содержание и степень коррупционной виктимизации граждан отдельного муниципального образования, является процесс криминализации общественной жизни. Органы местного самоуправления как форма публичной (муниципальной) власти, реализуемая на уровне муниципальных образований посредством системы властных отношений, в настоящее время испытывают на себе всю полноту действий происходящих в стране кризисных процессов.

Муниципальные служащие и должностные лица, уполномоченные на выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления, для граждан – представители государства. Их противоправное поведение у граждан ассоциируется как государственная несправедливость, формирующая ощущение незащитности, убеждение в том, что в России существует обстановка криминального беспредела. Чем выше должностное положение коррупционера в сфере местного самоуправления, тем значительнее негативный эффект противоправных действий на население муниципального образования. Кроме того, когда граждане отдельного муниципального образования сталкиваются с элементами коррупции, поразившими и коммерческие структуры, то в их сознании возникает некая обреченность, то есть они становятся толерантны по отношению к этому явлению и нередко сами ста-

новятся участниками «низовой» коррупции (подкуп должностного лица или представителя коммерческой организации).

Коррупционные преступления в сфере местного самоуправления посягают на более важные и вместе с тем уязвимые сферы жизни общества отдельного муниципального образования и, как правило, связаны с непосредственным или опосредованным причинением морального, физического, материального ущерба муниципальному образованию, государству, юридическим лицам и отдельным гражданам или их группам.

В связи с этим можно разделить типы жертв коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления в зависимости от того, кому был причинен непосредственный или опосредованный ущерб. Жертвам коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления, кому был причинен непосредственный ущерб, соответствует ролевой тип виктимности, а тем жертвам, кому был причинен опосредованный ущерб, – ситуативно-виктимный тип потерпевшего.

В коррупционных преступлениях в сфере местного самоуправления присутствует ситуативно-виктимный тип потерпевшего, который оказался жертвой преимущественно в результате стечения ситуативных факторов, которые оказались для него непреодолимыми. Например, муниципальный служащий или должностное лицо, уполномоченное на выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления, в соответствии с ч. 1 ст. 4 и подп. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [21], выступая муниципальным заказчиком при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств заключает из-за корыстной заинтересованности ряд невыгодных сделок с заранее определенным юридическим лицом, в результате чего муниципальное образование расходует бюджетные средства неэффективно, от чего страдают налогоплательщики, работники бюджетной сферы, недополучают другие сферы, находящиеся в ведении муниципального образования. Кроме того, жертвами данного коррупционного преступления становятся добросовестные предприниматели, которые могли бы получить муниципальный заказ на более выгодных для муниципального образования условиях, в результате они терпят определенные убытки, не выплачивают потенциальную заработную плату работникам предприятия, не отчисляют налоги. В данном случае в силу ситуативных факторов, не зависящих от налогоплательщиков, добросовестных предпринимателей, работников предприятия, они становятся потерпевшими, то есть жертвами в силу обстоятельств.

Также в коррупционных преступлениях в сфере местного самоуправления присутствует ролевая виктимность, которая в общем плане рассматривается как статусная, профессиональная уязвимость лица, как объективная в данных условиях характеристика социальной роли человека, независимая от его личностных свойств, повышенная опасность посягательств лишь в силу исполнения такой роли. Указывая на роль, мы «относим» человека к определенной социальной группе, идентифицируем его с ней. Однако в действительности она неизбежно приобретает индивидуальные характеристики, от которых зависит «диапазон возможностей» конкретного исполнения роли, в том числе преступника или жертвы.

В коррупционных преступлениях в сфере местного самоуправления присутствует ролевая виктимность особенно той категории лиц, которые так или иначе сталкиваются или обращаются в органы местного самоуправления, лиц, занимающих определенные должности в коммерческих структурах, выполняющих управленческие функции в различных государственных и муниципальных органах или занимающихся определенного рода общественной деятельностью. Они именно в силу специфики своей работы чаще, чем другие оказываются потерпевшими от коррупционного преступления.

Как нетрудно заметить, наиболее уязвимыми в данном случае являются юридические лица, лица, занимающие определенные должности, и физические лица.

Попробуем выделить категории жертв коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления по их ролевому статусу:

- собственники предприятий (как крупных, так средних и мелких), руководители или лица, занимающие определенные, как правило, высшие управленческие должности в коммерческих структурах. В данном случае предпринимательская деятельность указанных лиц так или иначе разово или регулярно связана с необходимостью обращения в органы местного самоуправления. Сюда можно отнести строительные организации, сетевые торговые компании, риелторские компании, предприятия, удовлетворяющие нужды муниципального образования в соответствии с муниципальным зака-

зом и т.д. Кому-то необходимы разрешения на проведение коммуникаций, другим – земельный участок для строительства какого-либо объекта. Сферы деятельности, которые регулируют органы местного самоуправления, их полномочия в пределах муниципального образования различны и определены как на федеральном уровне, в частности Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [22], так и на региональном, в Татарстане – Законом РТ от 28.07.2004 № 45-ЗРТ «О местном самоуправлении в Республике Татарстан» [23];

- лица, занимающие различные должности или выполняющие управленческие функции в различных государственных и муниципальных органах. В данном случае может иметь место своеобразная сделка, так называемая услуга за услугу. Например, муниципальный служащий или должностное лицо, уполномоченное на выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления, обещает содействие в получении муниципального жилья начальнику полиции города, если он закроет уголовное дело (за экономическое преступление) на его родственника.

Другой пример, муниципальный служащий из-за корыстной заинтересованности поручает нижестоящему должностному лицу муниципального образования выступить муниципальным заказчиком и заключить ряд невыгодных сделок с заранее определенными юридическими лицами, принадлежащими де-факто вышестоящему муниципальному служащему, но оформленными на других лиц.

Вариантов таких дел может быть большое количество, например, в избирательном процессе и т.д.;

- лица, занимающиеся определенного рода общественной деятельностью. Например, руководители дома престарелых, приютов для бездомных, финансируемых за счет средств муниципального бюджета;

- физические лица, то есть лица, которые зачастую относительно редко обращаются в органы местного самоуправления. Например, гражданину нужен земельный участок для строительства жилого дома или организации пасеки на территории муниципального образования, или нужно провести воду от муниципальной водонапорной башни, получить социальную ипотеку и т.д.

Следует отметить, что в основном жертва ставится коррупционером в такую ситуацию, при которой подкуп является единственным «выходом» для достижения желаемого результата, то есть проявляется закономерность ее поведения.

Как нами было сказано выше, в научной литературе по степени выраженности выделяют такие виды виктимности, как нулевая; средняя, реализуется, как правило, при необходимом или случайном стечении обстоятельств, благоприятствующих виктимизации будущей жертвы; повышенная.

Исходя из такого деления виктимности жертвы от коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления можно разделить на три категории:

- лица, у которых за осуществление их прав прямо вымогают муниципальные служащие и должностные лица, уполномоченные на выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления, но данные лица сознательно отказываются от коррупционных схем. Указанные лица или перестают требовать реализации своих прав, или продолжают добиваться их другим законным способом, например обращением в суд, в правоохранительные органы (нулевая виктимность);

- лица, которые сами предлагают или их понуждают осуществить коррупционные схемы с муниципальными служащими и должностными лицами, уполномоченными на выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления, ввиду того, что им чинят различные препятствия, и/или понимая, что законным способом удовлетворить свои потребности они или не смогут, или смогут, но с большими трудностями, в том числе и в силу неразвитости законодательства (средняя виктимность);

- лица, то есть как должностные лица и служащие муниципальных образований, так и физические и юридические лица, которые относятся к конкретному коррупционному деянию как к сделке (повышенная виктимность).

Если в первом и во втором случаях все более или менее понятно, то в последнем необходимы соответствующие пояснения. В данном случае лица, обладающие повышенной виктимностью, сознательно содействуют собственной виктимизации, активно сотрудничают с преступником, осуществляют «встречный поиск», сами способны при соответствующих обстоятельствах совершить преступное посягательство. Например, должностное лицо или служащий муниципального образования, обладающий полномочиями по распределению объектов для капитального ремонта муниципальных учреждений, находящийся в дружеских, родственных и иных отношениях с предпринимателем в об-

ласти строительства и ремонта различных объектов, сам устанавливает связь с данным лицом (бизнесменом) и предлагает ему в рамках муниципального заказа привилегию в получении ряда крупных объектов для ремонта, тем самым обеспечив прибыль своему предприятию. Взамен должностное лицо или служащий муниципального образования получит так называемый откат в виде части прибыли. В данном случае имеет место своеобразная сделка, в рамках которой должностное лицо или служащий муниципального образования ничего не вымогает и никого не понуждает совершить преступление. Кроме того, в данной ситуации и предприниматель сам ничего не предлагает, и не является объектом для вымогательства. Хотя налицо сговор между преступниками, формально все будет выглядеть в рамках действующего законодательства, и в частности в рамках Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [21].

Как видим, подобные предприниматели обладают повышенной виктимностью. По нашему мнению, это самый опасный вид повышенной виктимности, так как наносится огромный вред не только добросовестным предпринимателям, муниципальному образованию, но и экономике страны.

В настоящее время, исходя из рассматриваемого деления виктимности в муниципальных образованиях, сложилась повышенная виктимность, особенно той категории лиц, которые так или иначе сталкиваются с деятельностью органов местного самоуправления. Описанная выше коррупционная схема действует во всех основных сферах деятельности современного муниципального образования, в частности купли-продажи, аренды земельных участков, строительства и ремонта жилья, распределении лицензий в сфере частных пассажирских перевозок.

Таким образом, жертвам от коррупционной преступности в сфере местного самоуправления присуща массовая виктимность, поскольку коррупция в обществе прижилась, она слилась с чиновничьим аппаратом и служащими негосударственных организаций, и общество стало толерантно по отношению к ней.

Виктимность в поведенческом аспекте – виктимное поведение находит место в ряду причин преступности и условий, способствующих проявлению этих причин.

Например, о виктимности предпринимателей свидетельствует устойчивость стереотипа значительной части россиян о несправедности богатства, так как многие убеждены, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет «воровства, разграбления страны, злоупотребления своим служебным положением, взяток, коррупции» [24]. С одной стороны, виктимность изменяется в связи с количественными и качественными изменениями преступности, с другой – в потенциальном компоненте и не в связи с ее изменениями: виктимность изменяется «раньше преступности» и уже это влечет изменение последней. Мизерность оплаты труда муниципальных служащих при больших полномочиях в перераспределении финансовых и других ресурсов определенно не позволяет достойно жить им и их семьям, обуславливает такую ситуацию, когда население страны как бы отдано чиновничеству на откуп государством, не справляющимся со своими задачами.

Коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления наряду с другими причинами и условиями обеспечивает существование коррупционной преступности, определяет возможность совершения преступлений (по отдельности и в массе). Если индивидуальная коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления может реализоваться, а может остаться в виде нереализованных предрасположенностей, то массовая коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления всегда одновременно потенциальна и реализованна, ввиду того что виктимные предрасположения людей, для большинства из них оставшиеся нереализованными, вместе с тем закономерно могут реализоваться для некоторой их части.

Таким образом, массовая коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления – отражающее состояние общества отдельного муниципального образования, связанное с коррупционной преступностью, исторически изменчивое социальное явление. Оно выражается в совокупности всех жертв и актов причинения вреда коррупционными преступлениями физическим и юридическим лицам на территории конкретного муниципального образования в определенный период времени и общих для населения и отдельных его групп потенциалов уязвимости, реализующихся в массе разнохарактерных индивидуальных, виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершенные коррупционных и причинение вреда преступлений в сфере местного самоуправления.

Массовая виктимность при коррупционной преступности в сфере местного самоуправления включает в себя три компонента:

а) совокупность потенциалов уязвимости, реально существующей у населения отдельно взятого муниципального образования в целом и отдельных его групп;

б) деятельный, поведенческий компонент, который выражен в совокупности актов опасного для действующих индивидов поведения (позитивного, негативного, толкающего на преступление или создающего благоприятные условия);

в) совокупность актов причинения вреда, последствий коррупционных преступлений, то есть реализации виктимности, виктимизации (виктимность-результат).

Массовая коррупционная виктимность в сфере местного самоуправления характеризуется состоянием (уровнем, структурой и динамикой). Уровень виктимности – это выраженное в абсолютных цифрах число потерпевших от этих преступлений, а также количество случаев причинения вреда преступлениями, так как их может быть больше, чем преступлений и потерпевших (жертв) [25].

Следует отметить, что чем меньше муниципальное образование, тем меньше становится виктимность населения и его отдельных групп. На наш взгляд, подобная ситуация складывается в силу того, что в более мелких муниципальных образованиях население хорошо знакомо между собой, и в частности с муниципальными служащими и должностными лицами, уполномоченными на выполнение управленческих функций в сфере местного самоуправления конкретного муниципального образования. Поэтому должностным лицам или служащим муниципального образования, имеющим умысел на осуществление коррупционного преступления, становится сложнее совершить такое деяние. Они постоянно на виду и осуществлять с каждым коррупционные схемы естественно не смогут. Соответственно, должностные лица или служащие муниципального образования небольшого сельского поселения, даже если будут иметь умысел на совершение коррупционного преступления, в большинстве случаев вынуждены честно исполнять свои обязанности. В данной ситуации и население небольшого сельского поселения понимает, что людям незачем придумывать коррупционные схемы, чтобы осуществлять свои права, следовательно коррупционная виктимность в таких муниципальных образованиях будет небольшой.

Можно отметить, что коррупционные схемы в сфере местного самоуправления работают там, где происходит перераспределение ресурсов, в первую очередь имущественных благ. Чем выше полномочия отдельных муниципальных служащих в таком перераспределении, тем выше вероятность существования коррупционных схем и тем выше вероятность повышения виктимообразующих факторов для лиц, обращающихся в данные органы.

Считаем, что решение комплекса задач возможно лишь при последовательной проработке вопросов ресурсного и законодательного обеспечения виктимологической политики, а также при разработке нормативных стандартов обращения с жертвами коррупционных преступлений, в том числе коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления. Необходимо создать систему не просто правового просвещения и образования, а систему просвещения именно в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Каждый гражданин должен знать свои права, уметь отстаивать их. Чрезвычайно важна целенаправленная работа по воспитанию гражданской позиции у подрастающего поколения.

Коррупция поразила практически всю систему как государственной, так и муниципальной службы, и справиться с этим злом можно в значительной мере за счет активизации тех, чьи законные права нарушаются коррумпированными чиновниками. Важно, чтобы эта активность была поддержана государством и в первую очередь – правоохранительными органами.

Высказанные нами предложения в области виктимологического предупреждения коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления, осуществляемого органами внутренних дел правового регулирования указанной деятельностью, являются основными из того множества нерешенных проблем, которые имеют место в существующей предупредительной деятельности и требуют своего разрешения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полубинский В.И. Практические аспекты криминальной виктимологии. М., 1981.
2. Курс советской криминологии. М., 1985. Т.1. С. 182.
3. Франк Л.В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.
4. Элькид П.С., Вандышев Л.Л. Франк Л.В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. Рецензия // Правоведение. 1977. №4. С. 118.

5. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
6. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Елабуга, 1998.
7. Mendelson B. Line nouvelle brauche de la science bio-psychosociale la Vic-timologie // Revue International de Criminologie et de Police Technique. 1956. nr.2.
8. Mendelson B. Victimology and Technical and Social Sciences // Victimology: A. New Focus. (1); Mendelson B. Victimology and consmporaru Societies Friends; Viano E. Victims and Society. Washington D.C., 1976. S. 26-31.
9. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1980. С. 15.
10. Ильин Л.В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии // Правоведение. 1975. №3. С. 19.
11. Сорокотягина Д.Л. Виктимологический анализ при расследовании преступлений // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики). Иркутск, 1980. С. 34.
12. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С.14.
13. Репецкая Л.Л. Криминальная виктимология. М., 1988.
14. Коновалов В.П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1982. С. 6 -7.
15. Флоря К.Н. Назначение наказания с учетом причин совершенного преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 18-19.
16. Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 12-42.
17. Буюева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1967. С. 46-55.
18. Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994.
19. Ривман Д.В. Виктимность как социальное явление // Вопросы профилактики преступлений. Л., 1976. С. 120.
20. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1978. С. 65.
21. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105.
22. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
23. Закон РТ от 28.07.2004 № 45-ЗРТ «О местном самоуправлении в Республике Татарстан» // Республика Татарстан. 2004. 3 авг.
24. Кирпичников А.И. Российская коррупция. СПб., 2004. С. 27.
25. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. С. 79.

Поступила в редакцию 17.09.12

G.M. Aglyamova

Victimology prevention of corruption crimes in municipality

Nowadays the corruption crimes in the sphere of a local government is an acute kind of crime. The main objective of the author is offersome ways of improvement of structurally managing and legal security of victimology prevention of corruption crimes in municipality.

Keywords: corruption, crime rate, prevention, victimology, municipality, local government.

Аглымова Гульназ Махияновна, старший преподаватель
Филиал Казанского (Приволжского) Федерального
университета в г. Набережные Челны
423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,
просп. Сююмбике, д. 10А (11/29)
E-mail: gulnaz-solnisko93949@mail.ru

Aglyamova G.M., senior lecturer
Kazan (Volga region) Federal University brunch
in Nabrezhnye Chelny
423812, Russia, Tatarstan, Nabrezhnye Chelny,
Suyumbike avenue, 10 A (11/29)
E-mail: gulnaz-solnisko93949@mail.ru